

СТРУКТУРА И ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ КНИГИ БАДРУТДИНА МАГОМЕДОВА «ОБОРВАННОЕ СТРЕМЯ»

STRUCTURE AND ARTISTIC-IDEOLOGICAL PECULIARITIES OF BADRUTDIN MAGOMEDOV'S BOOK "THE TORN STRAP"

A. Sultanmuradov

Summary: This article analyzes the structural and ideological-artistic features of the book «The Broken Bridle» by the Kumyk author Badrutdin Magomedov, written in the late 20th to early 21st century, dedicated to the memory of the renowned Hungarian Turkologist, Doctor of Philological Sciences, and Professor István Kongur (Konyra) Mandoki. The focus is on how Magomedov, known primarily to literary scholars and enthusiasts as a talented and original poet, also emerges in several other roles in the analyzed work: as a prose writer, journalist, linguist, and folklorist.

Keywords: Turkic, Kumyk, Hungarian, creativity, poet, literature, structure, image, journey.

Султанмуратов Агарагим Магомедович

кандидат филологических наук, доцент, Дагестанский
федеральный исследовательский центр Российской
академии наук
ansaraga@mail.ru

Аннотация: В статье анализируются структурные и идейно-художественные особенности книги кумыкского автора конца XX – начала XXI веков Бадрутдина Магомедова «Оборванное стремя», посвященной памяти известного венгерского ученого-тюрколога, доктора филологических наук, профессора Иштвана Конгура (Конюра) Мандоки. Обращается на то, что Б. Магомедов, известный знатокам и ценителям художественной словесности, прежде всего, как талантливый и самобытный поэт, в анализируемой книге предстает и в несколько иных качествах: как прозаик, журналист, лингвист, фольклорист.

Ключевые слова: тюркский, кумыкский, венгерский, творчество, поэт, литература, структура, образ, путешествие.

Бадрутдин Магомедов (Бадрутдин) – один из ярких представителей кумыкской литературы второй половины XX – начала XXI вв. Первые его стихи были опубликованы еще в начале 60-х годов минувшего столетия на страницах кумыкских периодических изданий, а первый сборник стихов на родном – кумыкском языке «Доля моя» («Ирисим») был издан в 1968 году. В последующие годы увидели свет более двух десятков поэтических, прозаических книг кумыкского автора, изданных на родном и русском языках в разных издательствах Махачкалы, Москвы, Анкары, Будапешта.

К творчеству Бадрутдина в разное время обращались и дали высокую оценку известные критики, литературоведы, собраты по перу.

В предисловии к книге кумыкского поэта «Меж двух миров» известный русский поэт и переводчик, лауреат Государственной премии СССР (1986) А.П. Межиров пишет: «Мудрость и красота прежней народной поэзии согрели строки современного поэта (Бадрутдина А.С.), не помешав им чутко улавливать новизну жизни. Ничего специально нового в них вроде бы и нет. Но посмотришь и видишь: похожего не встречал» [1, с. 7].

«В манере работы Бадрутдина есть нечто от кузнеца, неотлучно находящегося у горнила: ни изнурительная жара, ни неутоленная жажда, ни духота не ослабляют его

страсть к труду, – пишет Народный писатель Дагестана К.И. Абуков. – Так и Бадрутдин с монашеским терпением, самоотреченно, из дня в день куёт свои не так легко поддающиеся отделке строки и стихи, поэмы, тематические циклы – свою, ни на кого не похожую Поэзию, которую убежденно пишу с большой буквы!» [2, с. 435–436].

Высокую оценку творчеству кумыкского писателя дает литературовед, М.А. Гусейнов: «...он (Бадрутдин А.С.) является одним из самых талантливых кумыкских поэтов конца XX – начала XXI столетий. Он был автором, преисполненным художественных исканий, нацеленным на новаторские решения... Оригинальность поэта проявлялась как в содержании текстов, проблематике, так и в поэтике. Лучшим произведениям Бадрутдина свойственны выходы за грани привычного видений явлений, мастерское использование матафор, сравнений, символов» [3, с. 310].

Дагестанский поэт, прозаик, переводчик, критик, публицист М.Ш. Муслимова отмечает: «Я не могу назвать других авторов, с которыми можно сравнить Бадрутдина по потрясающей реалистичности и одухотворенности портретов своих земляков, односельчан, по узнаваемости в них простоты и величия народа, по таланту отношения к людям» [4, с. 195].

В 2008 году вышел сборник произведений Бадрутдина под названием «Оборванное стремя» («Узьюлген

оьзенги»), посвященный светлой памяти известного венгерского ученого-тюрколога, доктора филологических наук, профессора Иштвана Конгура (Коныра) Мандоки – к слову сказать, и близкого друга самого автора.

Знатокам и ценителям художественной словесности Бадрутдин известен, прежде всего, как талантливый и самобытный поэт. Но в книге «Оборванное стремя» он предстает не только в привычном для своих читателей амплуа – как поэт, но и в несколько иных качествах – как прозаик (очерки, дневниковые, путевые записи), журналист (интервью), лингвист (весьма неординарные соображения относительно происхождения отдельных кумыкских слов), фольклорист (оригинальные, меткие наблюдения по некоторым проблемам кумыкской фольклористики). В книге Бадрутдина содержатся кумыкские фольклорные тексты, исторические справки, многочисленные фотоиллюстрации, карты. Все это весьма органично вписывается в четко выстроенную ее структуру, удачно дополняет представленные в нем художественные и иные тексты и создает для них достаточно яркий фон.

«Оборванное стремя» Бадрутдина состоит из восьми разделов, каждый из которых имеет свое название: 1) «Каждый мой шаг ступал в вашу сторону...» («Гьар абатым сизге таба геле эди...»), 2) «Звон стремени» («Оьзенгини зенги»), 3) «Ребенок, родившийся с коренным зубом» («Азув тиш булан тувган яш»), 4) «Светильник моей надежды» («Умутумну шамчырагы»), 5) «Шаги, ступающие в вечность» («Даимликге алынаган абат»), 6) «Жемчужные зернышки, возвращенные к нам» («Бизден гетип, бизге кьайтган танажар бюртюклер»), 7) «Переводы из Шандора Петефи» («Шандор Петефиден таржумалар»), 8) «Ступив на тропу истории» («Тарихни сокьмагына тыюп»). Все разделы книги, за исключением седьмого («Переводы из Шандора Петефи»), состоящий всего из 7 страниц, довольно объемны – от 43 до 74 страниц.

Перед каждым разделом книги помещены эпиграфы, указывающие на тему, которая затрагивается в разделе, раскрывает его основную идею, а в некоторых случаях выражает собственную авторскую позицию. В качестве эпиграфов в трех случаях использованы поэтические строки из разных произведений самого Бадрутдина (ко 2, 3 и 4 разделам), строки из кумыкской казачьей песни (к 5 разделу), слова известного венгерского востоковеда, лингвиста, тюрколога Ю. Немета (к 6 разделу), четверостишие национального поэта Венгрии, революционера-демократа Ш. Петефи (к 7 разделу), двустишие классика кумыкской литературы Й. Казака (к 8 разделу).

Все же автор «Оборванного стремени», отдавая дань глубокого уважения своему незабвенному другу, в качестве первого эпиграфа в самом начале книги, перед первым ее разделом, помещает четверостишие именно И. Конгура, написанного им на кумыкском языке, кото-

рым владел блестяще:

*Илгьам алып оьзге бары тиллерден,
Излейгеним таза кьумукъ тил эди.
Элчи болуп айлансам да эллерден,
«Гьар абатым сизге таба геле эди...» [5, с. 3].
Вдохновившись всеми другими языками,
Искал я чистый кумыкский язык.
Хоть посланником я и объездил страны,
«Каждый мой шаг ступал в вашу сторону...».*

С первых же страниц Бадрутдин приступает к раскрытию основного замысла своей книги: «Моя задача заключалась в том, чтобы во время моего первой поездки собрать, где это возможно, новые штрихи к образу нашего друга (И. Конгура – А.С.), которым мы не успели насытиться, собрать от близких его друзей тайны, связанные с его жизнью и попытаться систематизировать их. Эти материалы, которыми я располагал, дополнял своими душевными муками, радостью, печалью, наблюдениями, тем, что пропустил через себя» («Мени аслу мурадым – кьайсы якьдан алып да кьурдашыбызны биз гьёруп-тоуп битмеген келпетине янгы накъышлар, яшавуну сырларын кьыдырып, шу мен чыкьгьан биринчи сапарымда ону ювукьдан таныйгьан сырдашларындан эшитгенимни-гьёргенимни бир ерге жыймакь, ёрукьгьа салмакь эди. Шо аз-кёп менде бар маълуматлагьа оьзюмню юрек гьыслеримни, сююнчюм булан дертимни, эс этгенимни, сезгенмни де кьоша юрюдюм» [6, с. 6–7]).

Второй и третий разделы книги «Оборванное стремя» можно было бы объединить условно под общим названием «Путешествие Бадрутдина в Венгрию. Причем второй раздел связан с событиями, которые происходили в только в Будапеште – столице Венгрии. География же третьего раздела в этом отношении весьма обширна. Это такие города и села Венгрии, как Карцаг (родной город И. Конгура), Кунмадареш, Татарери, Тисаорш, Нотувань, Тисафюред, Кишуйсалаш, Дебрецен, Туркеве, Куншентмиклош). В оба раздела книги включены разные по форме и содержанию материалы, прямо или косвенно имеющие отношение к И. Конгуру: путевые заметки, сновидения, встречи, интервью. Что касается интервью, то Бадрутдин это делает с огромной любовью и весьма профессионально (заметим, что после окончания Высших литературных курсов при Литературном институте им. М. Горького он некоторое время работал редактором кумыкского вещания Дагестанского гостелерадиокомитета). В качестве собеседников и респондентов автор встретился со многими людьми, имевшими самое разное отношение к И. Конгуру: родственники (Эржебет Мандоки, Роза Мандоки – родные сестры; Иштван Кресан – двоюродный брат; Юлианна Сарка – двоюродная сестра), близкие друзья (Кунковач – этнограф; Агости Габор – профессор; Янош Говари – государственный секретарь МИД Венгрии; Кёрменди Лайош – писатель, ученый; Лайош Таламас – художник, скульптор), коллеги (профессор Кара Дёрт – профессор, заведующий кафедрой, руководитель научного отдела, где работал И. Конгур; Жужа Какук и Да-

вид Геза – профессора тюркской филологии Будапештского университета), общественные и творческие деятели, ученые, преподаватели (Юлия Барта – сотрудница музея города Карцага; Йожеф Торнай – председатель Союза писателей Венгрии; Иштван Салаи – учитель русского языка; Ковач – переводчик и музыкант; Эржебет Вискелети – переводчик, преподаватель латинского, французского, русского языков гимназии; Янош Кун – мэр города Кишуйсалаш; Красимира – молодая гагаузская ученая, преподаватель болгарского и современного греческого языков; Ю. Орши – доктор исторических наук, профессор, директор исторического музея; Имре Башки – ученый-тюрколог).

Встречаются среди собеседников Бадрутдина и самые обычные, простые люди. Это коневод Йозеф Шари и старый священник. Они оба, казалось бы, не имеют непосредственного отношения к И. Конгуру. Но небольшая заметка на 51 странице книги под названием «Оседлали мы красивые кони-скакуны» («Аргъумакъ атив атлар миндик биз») снимает все вопросы и сомнения читателя на этот счет. Как становится ясным из ее содержания, И. Конгур в юношеском возрасте, оказывается, в течение нескольких лет работал берейтором (специалистом, обслуживающим лошадей) в спортивной школе своего родного города Карцага. Обратимся к небольшому отрывку из названной заметки, который наглядно демонстрирует, с какой огромной любовью относился герой книги к лошадям: «На ладони руки, которая была в два раза больше моей (Бадрутдина А.С.), он показывал мне следы, шрамы, оставшиеся от веревки... «Нет красивее животного, чем лошадь, но вспотевшая лошадь еще красивее», – говорил Конгур» («Мени бир кьолум чакъы эки гелеген кьолуну аясында ол магъа аркъандан кьалгъан гьызланы, белгилени гёрсете эди... «Атдан атив жан болмас, амма атны терлегени бирден-бир атив», – дей эди Кьонгур» [7, с. 51]).

Со старым священником автор книги случайно познакомился на одной выставке работ художника из Карцага. В ходе непринужденной беседы выясняется, что священник считает себя потомком куманов. Он читает Бадрутдину молитву «Отче наш» на куманском языке. Бадрутдин поместил данную молитву в своей книге на трех языках: русском, куманском и кумыкском (очевидно, в своем переводе).

Некоторые из венгерских собеседников настолько впечатлили автора книги, что он, помимо обычных замечаний о них, интервью, создает еще великолепные стихотворения-посвящения. Так, стихотворение «Короткое счастье на длинной улице» («Узун орамда кьысгъа насип»), состоящее из 28 четверостиший, посвящено переводчику, преподавателю латинского, французского, русского языков гимназии города Карцага Эржебет Вискелети. Как становится очевидным из содержания произведения, за короткий период встречи кумык Бадрутдин стал испытывать к куманке Эржебет чувства, которые не назовешь только деловыми. Для наглядности приведем одно лишь

четверостишие из данного стихотворения, написанного в лучших традициях кумыкских песен-частушек.

*Къабу ел болуп гирип
Гъакъылына-оюна,
От салма гелгенми эдинг
Къуман кьызыны боюна?! [8, с. 51]*
Словно восточный ветер,
Охватив думы девушки-куманки,
Не для того ли приходил ты,
Чтобы зажечь огонь в ее сердце?!

Четвертый раздел «Оборванного стремени» состоит исключительно из поэтических произведений автора, в которых затрагивается ряд вопросов, связанных с куманами, мадьярами, тюрками, кумыками в разрезе важнейших исторических событий. Эпиграф (четверостишие самого Бадрутдина) к данной главе, на наш взгляд, предельно лаконично передает то, насколько кумыкский автор увлечен этой проблемой.

*Дунай бойгъа гиччи сокъмакъ салгъанман,
Тамурларын излеп уллу тухумну.
Бир тамаша эркин болуп кьалгъанман,
Мажар тюшлер безейгенли юхумну... [9, с. 197]*
Проложил я тропинку к дунайским краям,
В поисках корней большого рода.
Удивительная свобода овладела мною,
Как стали мадьярские видения украшать мой сон...

Данный раздел также вобрал в себя ряд произведений, посвященных И. Конгуру. Каждый из них достоин отдельного литературоведческого исследования. Но, учитывая ограниченные рамки нашего исследования, обратимся только к одному из них – стихотворению «Конгур мой ушел...» («Кьонгурум гетди...»), написанному под воздействием кумыкских плачей. Произведение имеет не совсем стандартную для кумыкского стихосложения форму – оно написано в форме трехстиший. Каждое трехстишие завершается рефреном «Конгур мой ушел...» («Кьонгурум гетди...»), то есть той самой строкой, которая и взята в качестве названия стихотворения. Обращает на себя внимание аффикс принадлежности -ум, присоединенный к собственному имени Конгур. Данный аффикс использован Бадрутдином для усиления передачи особых, искренних, дружеских чувств к своему лирическому герою.

*Йылкы табулум бёлюнген,
Къыпчакъ айгъырым скурюнген –
Кьонгурум гетди... [10, с. 229]*
Табун лошадей мой разобщен,
Кипчакский конь мой споткнулся –
Конгур мой ушел...

Так получилось, что земная жизнь И. Конгура оборвалась на кумыкской земле. Он скоропостижно скончался в 1992 году во время очередной своей поездки в Республику Дагестан, куда был приглашен руководством Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы.

В пятый раздел своей книги Бадрутдин включил материалы, связанные с трагическими событиями тех дней, автобиографию И. Конгура, а также стихи и заметки, посвященные ему. Здесь же даны его мудрые изречения, которые звучат как заветы. К слову сказать, одна из заметок, помещенная в книгу, автором которого является известный фольклорист, доктор филологических наук, профессор А.М. Аджиев, так и называется: «Назидания, ставшие заветами» («Васиятгъа айлангъан насигъатлар»). Обратимся к одному из таких назиданий великого ученого: «Мы разобщены, хоть теперь мы обязаны объединиться... Да не иссохнет корень нашей полыни! Пусть наполнятся водой следы от копыт наших лошадей!» («Биз яйылгъанбыз, энни сама да жыйылма герекбиз... Бизин ювшанны тамуру къурумасын! Атларыбызны туякъ гъызлары кёл-кёл болсун!» [11, с. 249].

Известно, что одним из учителей и наставников И. Конгура был Юлиус Немет – известный венгерский востоковед, лингвист, тюрколог, действительный член Венгерской академии наук, автор первой турецкой грамматики, целого ряда научных трудов по истории тюркских диалектов и языков, древней истории Венгрии и вопросам венгерского языкознания. В 1910 году он в научную командировку на Кавказ, побывал и в Кумыкии. Во время той командировки венгерский исследователь собрал обширный фольклорный материал кумыков (пословицы, поговорки, загадки, лирические, казацкие, эпические песни), произведения классиков кумыкской литературы Ырчи Казака и Магомед-Эфенди Османова. По возвращению на родину Ю. Немет подготовил и издал «Кумыкско-балкарско-немецкий словарь», основательную научную статью «Образцы из литературы кумыков». В шестом разделе «Оборванного стремени» даются материалы кумыкских ученых Г.М.-Р. Оразаева, К.М.-С. Алиева, посвященные научной деятельности Ю. Немета, а также некоторые фольклорные и литературные тексты, собранные им во время названной кавказской экспедиции.

Бадрутдин всегда славился тонким ценителем словесного искусства. Во время поездки в Венгрию его восхити-

ло творчество национального поэта Венгрии, революционера-демократа Шандора Петёфи, в судьбе которого он обнаружил немало сходного с судьбой кумыкского поэта Ырчи Казака. Бадрутдин пишет: «Во время венгерской поездки мне посчастливилось увидеть места, где Петёфи родился, рос, творил, воевал. В его славном образе я увидел судьбу всего венгерского народа» («Мажарстан сапарымда магъа Петёфи тувгъан, оьсен, йырлагъан, дав этген ерлени гёрме насип болду. Ону макътавлу келпетинде мен бютюн мажар халкъны къысматын гёрдюм» [12, с. 249]). В седьмой раздел книги Бадрутдин включил пять стихотворений венгерского поэта на кумыкский язык в своем переводе. Разделу он предпослал небольшую статью, в которой в предельно лаконичной форме, эмоционально выражает свое отношение к Ш. Петёфи.

Восьмой, заключительный раздел книги Бадрутдина носит историко-эпистолярный характер. Здесь содержатся высказывания известных ученых по древней истории гуннов, мадяров и тюрков, а также письма автора книги, И. Конгура и др.

Бадрутдин встречался с Иштваном Конгуром сравнительно недолго и с перерывами. Тем не менее, эта недолгая дружба вдохновила писателя на книгу с внушительным объемом в 432 страницы. При написании своей книги он подошел к личности И. Конгура не только как друг, пишущий воспоминания о друге, но и как писатель, создающий художественный образ.

Поступательное развертывание биографии И. Конгура перемежается в книге лирическими отступлениями в форме замечательных стихотворений самого Бадрутдина, некоторые из которых были написаны уже в первые дни после безвременной кончины дорогого ему человека под сильным впечатлением от утраты.

Созданный Бадрутдином образ Иштвана Конгура Мандоки выражает восприятие постсоветской кумыкской интеллигенцией человека, который рассказал об огромном тюркском мире, богатстве и потенциале тюркских языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Межиров А.П. Прозрачный дух поэзии / Бадрутдин. Меж двух миров: Поэзия, проза, публицистика. Махачкала: ГАОУ РД «Дагестанское книжное издательство», 2013. – 480 с.
2. Абуков К.И. В мундире ему будет тесно... Штрихи к творческому портрету / Бадрутдин. Меж двух миров: Поэзия, проза, публицистика. Махачкала: ГАОУ РД «Дагестанское книжное издательство», 2013. – 480 с.
3. Гусейнов М.А. Кумыкская поэзия: от «оттепели» до «перестройки» (1956 – 1990-й гг.). Махачкала: ИЯЛИ ДФИЦ РАН, 2023. – 324 с.
4. Муслимова М.Ш. «Творчество есть по сути молитва. Звонкие мечты Бадрутдина Магомедова / Союз российских писателей. Дагестанское отделение. Персоналии, творчество, отзывы. Махачкала: ГАОУ РД «Дагестанское книжное издательство», 2023. – 248 с.
5. Бадрутдин. Оборванное стремя: Очерки. Стихи, Путевые заметки. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2008. – 432 с. На кум. яз.

© Султанмуратов Агарагим Магомедович (ansaraga@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»